

1.

ЛАБОРИ.

Въ 83 верстахъ отъ г. Кобринна (Гродн. губерніи), по почтовой Кобринско-Пинской дорогѣ, расположено мѣстечко Яново. Въ немъ есть православная деревянная церковь, построенная въ 1667 году, каменный римско-католической костель, каменный столбъ, построенный въ честь іезуита Боболи, убитаго здѣсь же 1657 года, за слишкомъ усердное распространіе напства въ Яновѣ, становая квартира, волостное правленіе и аптека. Народонаселеніе смѣшанное—христіанское и еврейское: 144 двора съ 364 ревизскими душами муж. пола христіанъ и 156 дворовъ съ 300 душъ муж. пола евреевъ. Все христіанское народонаселеніе состоитъ изъ крестьянъ собственниковъ право, славнаго исповѣданія. Иѣкогда мѣстечко Яново было столовымъ имѣніемъ королей польскихъ и крестьяне его пользовались значительными привилегіями. Главнѣйшая изъ такихъ привилегій была—свобода отъ барщины. Крестьянинъ, отбывъ, такъ называемое, *милсво* *), т. е. поставивъ въ извѣстное время, по требованію королевской администраціи, опредѣленное количество подводъ, былъ увольняемъ отъ всякихъ другихъ обязанностей. Впослѣд-

*) Отъ слова мила—7 верстъ.

ствіи Яново попеременно переходило въ руки частныхъ польскихъ владѣльцевъ, отъ одной фамиліи къ другой. Сначала имъ владѣли Орженки, потомъ Дмуховскіе и наконецъ послѣдніе—Куженецкіе. Отношенія яновскихъ крестьянъ къ своимъ помѣщикамъ и условія жизни ихъ при частныхъ владѣльцахъ нѣсколько видоизмѣнились. Въмѣсто *милеваго*, отбываемаго нѣкогда натурою, т. е. извозомъ, они должны были вносить помѣщику деньги, по 15 копѣекъ за мило, и, въ уплату за землю, которою пользовались, должны были выходить на работу помѣщику въ такъ называемые *згонные дни*, коихъ причиталось по 12 въ годъ на душу женск. пола. Это—дни уборки хлѣба съ полей. Условія также не тяжелыя, онѣ были уже не привиллегіею, а просто законною платой со стороны крестьянъ за то незначительное количество земли, которымъ они надѣлены были отъ помѣщиковъ. Яновскіе крестьяне никогда неимѣли болѣе 3-хъ десятинъ земли на дворъ. При такомъ количествѣ они остаются и теперь. Недостатокъ земли, отсутствіе пастбищъ, рѣки, лѣса и другихъ благопріятныхъ условій къ жизни, свобода отъ барщины—были поводомъ къ развитію между яновскими крестьянами особаго промысла, такъ называемаго, *лаборства*. Еще недоѣзжая до Янова, на далекомъ разстояніи отъ него, вы услышите отъ разныхъ лицъ, что въ этомъ мѣстечкѣ живутъ особаго рода люди, называемые *лаборами*, которые, какъ по своему промыслу, такъ и по другимъ чертамъ жизни религіозной, гражданской и семейной, представляютъ много любопытнаго и замѣчательнаго. На мѣстѣ вы узнаете о нихъ еще болѣе. Дѣйствительно, всѣ яновскіе крестьяне, какъ у сосѣдей, такъ и у себя дома, называются лаборами. Яновецъ и лаборъ—это синонимы. Промыслъ яновскихъ лаборей состоитъ въ хожденіи по свѣту и испрашиваніи добродетельныхъ пожертвованій на церкви, а въ былое время и на ко-

стелы. Достоверно известно, что этимъ промысломъ занимаются всѣ жители-христиане мѣстечка Янова, за исключеніемъ нѣсколькихъ должностныхъ лицъ, которымъ нельзя оставить своихъ обязанностей, женщинъ, дѣтей и еще трехъ человекъ - хозяевъ, нежелающихъ почему-то лаборства. Занятіе оригинальное. Переходя отъ отца къ сыну, оно положило особую печать на всю бытовую сторону яновскихъ крестьянъ и дало яновцамъ особую, имъ однимъ свойственную, физиономію. Какъ давно возникло въ Яновѣ это обыкновение, не известно. Самое слово *лаборъ*, какъ видно, утратило свое первоначальное значеніе, и въ настоящее время, по смыслу самихъ яновцевъ, означаетъ сборщикъ пожертвованій на нужды церкви; по смыслу же сосѣдей ихъ, означаетъ пройдоху, человека, который, подъ маскою набожнаго странника, скрываетъ свои корыстолюбивыя цѣли и, для достиженія ихъ, готовъ всякаго обмануть и обойти всякій законъ. Есть мнѣніе, что обычай лаборствовать взятъ отъ восточныхъ странниковъ христианъ, состоящихъ подъ турецкимъ владычествомъ. Многие изъ нихъ, какъ известно, ходятъ по разнымъ странамъ и испрашиваютъ подаянія на нужды своихъ убогихъ церквей. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ они называются *лодурями*, въ другихъ какъ напр. въ Молдавіи и, смежной съ нею, Каменецъ-Подольской губерніи, *лобурами*. Говорятъ, что съ незапамятныхъ временъ одинъ изъ владѣльцевъ имѣнія Янова, котораго помѣстья были также въ Каменецъ-Подольской губерніи, на пограничной чертѣ съ Молдавіею, переселилъ одного изъ этихъ сборщиковъ въ Яново, гдѣ онъ и распространилъ свой любимый промыселъ съ самымъ названіемъ промышленниковъ лобурами. Неизвестно, на сколько достоверно это мнѣніе. Гораздо вѣроятнѣе другое предположеніе, что лаборство распространено въ Яновѣ вліяніемъ римско-католическаго духовенства—іезуитовъ

капуциновъ, преимущественно же піаровъ и приходскихъ ксендзовъ, которые, при постройкѣ своихъ огромныхъ костеловъ и каплицъ — въ Яновѣ, Пинскѣ, Любешовѣ, Бездѣжѣ, Городцѣ и въ другихъ сосѣднихъ городахъ и мѣстечкахъ, пользуясь бѣдностію яновцевъ, посылали ихъ въ разныя мѣста за сборомъ пожертвованій. Яновцы же въ свою очередь, видя положительную невозможность заняться другимъ дѣльнымъ промысломъ, втянулись въ такое странничество, полюбили его и избрали его спеціальнымъ своимъ занятіемъ. Хожденіе за подаваніемъ ксендзы называли труженичествомъ въ пользу церкви, а сборщиковъ тружениками. Такимъ образомъ, изъ латинскаго слова labor, трудъ, образовалось въ послѣдствіи названіе всѣхъ промышляющихъ испрашиваніемъ пожертвованій на храмы Божіи. Тѣмъ не менѣе, все таки трудно съ достовѣрностію указать время распространенія въ Яновѣ лаборскаго промысла. Если вѣрно, что мѣстечко Яново существуетъ не болѣе 300 лѣтъ, то этому промыслу его жителей, согласно съ мнѣніемъ старожиловъ мѣстечка, можно положить 200 лѣтъ.

Весьма оригиналенъ типъ лабора. Это человѣкъ средняго роста, съ черными волосами, черными глазами, съ бѣлымъ, правильнымъ; чистымъ лицомъ и умною фізіономіей. При встрѣчѣ съ вами на улицѣ, онъ всегда сниметъ шапку и поклонится. Въ разговорѣ чрезвычайно предусмотрителенъ, сразу узнаетъ, съ кѣмъ онъ говоритъ и какъ долженъ говорить. Рѣчь его плавна, проникнута нѣкоторою витіеватостію, гдѣ нужно, своего рода діалектикою и во всякомъ случаѣ скромна и умна. Всѣ лабори говорятъ малорусскимъ нарѣчіемъ. Одежда лабора — простой полушубокъ съ ремненнымъ бушакомъ, сапоги съ длинными голенищами и черная суконная шапка съ козырькомъ. Кто это поѣхалъ? спрашиваете вы у крестьянина, вашего под-

водчика. Лаборь. А какъ же ты узналъ его? Бо шапка съ козырькомъ, отвѣчаетъ мужичекъ. Впрочемъ Лабори имѣютъ для праздника другой костюмъ, это большая шапка изъ сивыхъ барашекъ и серая сермяга съ красными отворотами на рукавахъ.

Вотъ лаборь на промыслѣ. Разказы о его предпріимчивости и дѣйствіяхъ идутъ слѣдующіе. Услышавъ, что въ какомъ либо приходѣ, хоть бы самомъ отдаленномъ, намѣреваются починить или вновь постронть церковь, онъ отправляется къ священнику этой церкви и предлагаетъ ему свои услуги заняться сборомъ пожертвованій на нужды храма Божія. Въ прежнее время священникъ самъ непосредственно сносился съ консисторіею по этому предмету, просилъ книги, для записи пожертвованій и, вручивъ ее яновцу, тѣмъ самымъ уполномочивалъ его на право сбора. Условія были различныя. Большею частію дѣло устроивалось такъ: лаборь обѣщалъ священнику принести въ его церковь не менѣе 100 рублей, съ тѣмъ, что если сумма, записанная въ книгѣ, будетъ превышать 100 рублей, то и этотъ излишекъ долженъ быть обращенъ въ доходъ церкви; если же по записи будетъ недоставать до 100, то лаборь долженъ впослѣдствіи доложить недостающее по условію количество. Иногда онъ отдавалъ тутъ же на руки свои собственные 100 рублей и потомъ отвѣчалъ уже только за излишекъ, записанный въ книгѣ. На такихъ же условіяхъ лабори служили и ксендзамъ, съ тою только разницею, что ксендзъ никогда недовольствовался услугами одного лабора, но имѣлъ ихъ у себя на посылкахъ въ одно и тоже время человекъ 10 или 12, такъ что, получивъ отъ всякаго по 100 рублей, онъ сразу обезпечивалъ нужды своего костела на 1000, или 1200 рублей. Въ настоящее время, дѣло сбора добротныхъ подаяній на костелы совсѣмъ прекращено, а на

церковь сопряжено съ большими формальностями, и получить книгу на право сбора не легко. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, духовное начальство, въ видахъ устраненія всякихъ злоупотребленій релігіозными обѣтами и пожертвованіями христіанъ, сдѣлало постановленіе: не выдавать книги для сбора пожертвованій на церкви безъ предварительнаго заявленія о нуждахъ извѣстной церкви, мѣстнаго благочиннаго; если же окажется, что кабая либо церковь дѣйствительно нуждается въ починкѣ, или перестройкѣ, то выдавать книгу должно только прихожанину той церкви, на которую имѣетъ быть производимъ сборъ, за подлежащимъ посвидѣтельствованіемъ мѣстной полиціи о благонадежности и добросовѣстности сборщика. Такимъ образомъ, въ настоящее время, лаборь окончательно стѣсненъ въ своемъ промыслѣ и съ грустью вспоминаетъ о прежнихъ привольныхъ временахъ, когда завѣтную книгу можно было получить безъ затрудненій.

Бывало, получить лаборь книгу, — и съ торжествомъ отправляется домой. Прежде всего, онъ считаетъ нужнымъ съѣздить въ сосѣднюю деревню Клищъ освѣдомиться у тамошняго знахаря, когда отправиться въ путь и благополучно ли будетъ его путешествіе. Если знахарь скажетъ, что все будетъ благополучно, то лаборь начинаетъ собираться въ дорогу. Выраженіе *пхатъ въ дорогу* — терминъ лаборскій, означающій: отправиться за сборомъ пожертвованій. Лабори собираются въ путь обыкновенно послѣ полевыхъ работъ, въ мѣсяцѣ августѣ, или сентябрѣ. На канунъ отъѣзда лаборь зоветъ къ себѣ родственниковъ, пріятелей, знакомыхъ, задаетъ имъ пирушку и той же ночи уѣзжаетъ. «Гдѣ твой мужъ?» спрашиваютъ на завтра жену лабора. Поѣхалъ въ дорогу, отвѣчаетъ та. Выѣздъ ночью признается болѣе удобнымъ; днемъ они никогда не выѣзжаютъ. Въ путь отправляются обыкновенно вдвоемъ, или

втроемъ: нужно же кому либо и при лошадяхъ остаться, во время сбора. Проѣхавъ нѣсколько верстъ отъ дома, лабори еще разъ испытываютъ судьбу, каково будетъ путешествіе. Съ этою цѣлью они останавливаются въ какомъ либо селѣ и въ первомъ, понавшемся домѣ, просятъ подаянія. Если дадутъ, то продолжаютъ путешествіе, признакъ хорошъ. Если же откажутъ, то нерѣдко случается, что болѣе суевѣрные лабори возвращаются обратно домой и, подождавъ день, два, снова отправляются въ дорогу. Любимое мѣсто, куда они направляются—Жмудъ и вообще вся Ковенская губернія. Впрочемъ, они не оставляютъ ни одного города Сѣверо-западнаго края: бывають въ Вильнѣ, Гроднѣ, Минскѣ, Витебскѣ, Могилевѣ, въ разныхъ уѣздныхъ городахъ, мѣстечкахъ и селеніяхъ этихъ губерній. Иногда странствуютъ по всей Россіи и даже проникаютъ за границу, въ Молдавію и Валахію. Впрочемъ въ Молдавіи и Валахіи они имѣютъ мало поживы, такъ какъ здѣсь находятъ себѣ сильную конкуренцію въ лицѣ восточныхъ христіанъ, въ значительномъ количествѣ испрашивающихъ милостыни на свои церкви. Въ городахъ они не стѣсняются просить подаянія у самыхъ высокихъ лицъ. Пришедши въ домъ, лаборъ обыкновенно трижды перекрестится и подавъ книгу, говоритъ: «прошу пожаловать, что милость ваша будетъ, на постройку такого-то храма.» Если въ этомъ городѣ есть архіерей, то лаборъ является и къ нему. Объяснивъ предъ нимъ нужды извѣстной церкви, лаборъ предъявляетъ книгу и проситъ позволенія на право сбора пожертвованій въ его епархіи. Преосвященный позволяетъ и нерѣдко самъ жертвуетъ. Въ книгахъ пожертвованій встрѣчаются иногда имена митрополитовъ и архіереевъ. Случается, что лаборъ, странствующій по извѣстной епархіи, видитъ, что назначенный ему епархіальнымъ начальствомъ сборъ истекаетъ, а между тѣмъ предвидится въ извѣстномъ

мѣстѣ большой сборъ; тогда онъ снова является къ преосвященному и говоритъ: «Ваше преосвященство! Святыня такая-то не можетъ быть вполне обезпечена собранными мною средствами, по этому позвольте еще мѣсяцъ походить по вашей епархіи.» Само собою разумѣется, что отказа не бываетъ, и лаборъ снова отправляется странствовать въ той мѣстности, которая ему понравилась. Лабори непренебрегаютъ никакою жертвой: деньги, холстъ, пеньба, ленъ, шерсть, зерно всякаго рода, сало, хлѣбъ—все принимаютъ. Записанное въ книгѣ они берегутъ и представляютъ въ цѣлости, куда слѣдуетъ; незаписанное же употребляютъ въ свою пользу,—везутъ въ ближайшій городъ и продаютъ. Само собою разумѣется, что записываются только деньги и то не всегда.

Интересно, хоть по рассказамъ, прослѣдить, какъ лаборъ дѣйствуетъ въ селеніяхъ на престолюдиновъ, располагая ихъ къ подаянію. Здѣсь, говорятъ, онъ является вполне мастеромъ своего дѣла. Узнавъ предварительно, какаго вѣроисповѣданія жители этого села, кто изъ нихъ богаче, въ какомъ домѣ чаще случалась смертность, или другія несчастія, онъ пользуется всѣми этими свѣдѣніями, чтобы начертать себѣ программу дѣйствій. Вотъ напр. два лабора заходятъ въ домъ крестьянина. Положимъ, что этотъ крестьянинъ римско-католическаго исповѣданія. Лабори, вошедши въ домъ, принимаютъ маску латинянъ и привѣтствуютъ хозяевъ по польски *niech będzie pochwała* *łony Jezus Chrystus*. Хозяинъ, отвѣтивъ на привѣтствіе, спрашиваетъ «кто вы добрые люди?» Мы, отвѣчаютъ лабори, поддѣлываясь подъ польскую рѣчь, изъ Рима, отъ самаго святаго Папы, пришли просить подаянія на новый костелъ въ Римѣ. Табъ какъ ты, Мибито, человекъ набожный, то мы увѣрены, что ты откажешь помочь, чѣмъ Богъ послалъ, постройкѣ этой святыни, на честь и на славу Господу Бо-

гу. «Мужичекъ, услышавъ произнесеннымъ свое имя неизвѣстными ему людьми, спрашиваетъ: «а откуда вы знаете, что я Микито?»—Богъ далъ всякому человѣку, отвѣчаетъ одинъ изъ лаборей, душу безсмертную, которая, при молитвѣ и помощи Божіей, можетъ знать волю Божію. Мы же, слуги Господни, удостоившись милости Всевышняго служить Ему въ сооруженіи святыни, имѣемъ мысль и сердце болѣе чистыми, чѣмъ простые люди и болѣе ихъ знаемъ. Крестьянинъ, въ полной увѣренности, что онъ имѣетъ дѣло съ людьми необыкновенными, жертвуетъ чѣмъ можетъ. Отходя отъ Микиты, лабори спрашиваютъ: «чья это новая хата среди села?»—Это Степана Чуйки, отвѣчаетъ крестьянинъ.—А что это богатый человѣкъ?—Ничего, отвѣчаетъ тотъ, да только Богъ посылаетъ несчастья: этого года дочь умерла, прошлаго года также двое малолѣтокъ Богъ взялъ, и теперь остались онъ да жена.» Собравъ такія справки, лабори отправляются къ Степану. Послѣ обычнаго привѣтствія, рекомендаціи и просьбы пожертвовать что либо, одинъ изъ лаборей начинаетъ обнюхивать комнату и морщиться, такъ что хозяинъ невольно обращаетъ на это свое вниманіе. «Что ты, человѣче, нюхаешь?» спрашиваетъ онъ гостя.—Нѣчто недоброе чувствуется въ этомъ домѣ, отвѣчаетъ послѣдній,—какая то мертвечина пахнетъ, не умеръ ли кто здѣсь?—Богъ милостивъ, отвѣчаетъ крестьянинъ, пока никто не умеръ, но недавно мы имѣли большую потерю, похоронили взрослую дочь, а прошлый годъ—двоихъ дѣтей, наказаніе Божіе за грѣхи наши.—Такъ-то оно, такъ, говоритъ лаборъ, призадумавшись, но это вѣдь-то зрѣлено (заколдовано), нужно *отробыть* (устранить волшебную силу).—Будьте добры, молитъ несчастный, помогите чѣмъ можете, ничего не пожалѣю для васъ.—«Ладно, ладно, уничтожимъ это вражеское навожденіе.» Лаборъ беретъ нѣсколько угольевъ, кос-

тей, извести, прибавляетъ сюда одинъ порошокъ имѣющейся у него, на всякій случай, магнезіи, и, смѣшавши все это въ водѣ, обмазываетъ такимъ составомъ всѣ углы дома, окропляя ихъ въ тоже время святою водою. Обончивъ работу, лаборъ поздравляетъ хозяина съ изгнаніемъ нечистой силы изъ дома и здѣсь же увѣряетъ мужичка, что въ этомъ домѣ онъ дождется дѣтей, внуковъ и правнуковъ. Конечно, за такое благодѣяніе крестьянинъ ни въ чемъ не откажетъ лабору. Зарекомендовавъ себя такимъ образомъ въ одномъ, другомъ домѣ, лаборъ свободно ходитъ по всему селу; одному дать порошокъ отъ боли желудка, другому испить святой воды отъ испуга, третьему прикоснется частицею житворящаго древа къ головѣ, чтобы никогда не болѣла. Рассказываютъ, что въ одномъ жмудскомъ селеніи лабори имѣли значительную поживу отъ такихъ прикосновеній къ головамъ. Известно, что въ сѣверо-западномъ краѣ женщины имѣютъ обычай носить на головахъ огромные холстяные платы, тонкаго холста, называемые наметками. Лишь только лабори объявили, что у нихъ есть средство отъ головной боли, бабы тотчасъ и нахлынули къ нимъ. Такъ какъ всѣ онѣ были въ наметкахъ, то лаборъ, приготовляясь очертить голову мнимымъ животворящимъ деревомъ, сначала снимаетъ головной уборъ, какъ вещь нечистую, препятствующую дѣйствию святыни, перебрасываетъ его чрезъ плечи, и тогда уже обводитъ голову мнимою святынею. Между тѣмъ, другой лаборъ, стоя за плечами своего товарища, подбираетъ холстъ и укладываетъ его въ мѣшки. Такимъ образомъ, лабори выѣхали изъ села съ полною повозкою холста, а бабы остались безъ наметокъ.

Въ другомъ селѣ лабори употребляютъ другія средства, для болѣе успѣшнаго сбора подаяній. Въ Бѣлоруссіи нерѣдко можно видѣть въ частныхъ домахъ, въ числѣ на-

стольныхъ игрушекъ, стекляные штофики, заткнутые пробкою, которая изнутри продѣта палочкой. Въ этомъ штофикѣ устроенъ миниатюрный алтарь, украшенный фольгой. Лаборь, занасшись такою бутылкой, входитъ въ домъ крестьянина и говоритъ: у насъ сгорѣла церковь и чудодѣйственною силою Божіею весь иконостасъ и алтарь заключился въ эту бутылку, впредь до постройки новой церкви. Взгляни, человѣче, и пожертвуй что можешь, чтобы эта святыня, по дѣйствию той божественной силы, снова могла принять прежній свой видъ и стать въ подобающемъ ей мѣстѣ. При этомъ, поставивъ штофикъ на столъ, присовокупляетъ: обрати вниманіе, Иване, на самую пробку, кто бы могъ заткнуть ее изъ середины, если не таже святая сила? Само собою разумѣется, что рѣдкій крестьянинъ можетъ устоять противъ такихъ внушеній, и никогда не откажетъ.

Въ нѣкоторыхъ деревняхъ лабори принимаютъ на себя видъ латинскихъ ксендзовъ и, одѣваясь въ комешки *), служатъ по домамъ суппликаціи, панихиды, читаютъ евангеліе, принимаютъ деньги на обѣдню, за здравіе и упокой и вписываютъ ихъ въ особыя подложныя книги. Рѣдкій изъ лаборей грамотенъ; но многіе изъ нихъ, при всей своей неграмотности, пользуясь неграмотностію другихъ, смѣло берутся за перо и чертятъ имъ по бумагамъ, чтобы убѣдить простаковъ, что лепта ихъ дѣйствительно вписана и поидетъ по назначенію. Нѣкоторыя изъ такихъ книгъ съ разными каракулями находились при слѣдственныхъ дѣлахъ, производившихся надъ лаборями. Говорятъ, что лабори одѣвались даже въ облаченія православныхъ священниковъ, въ особенности кто носитъ бороду. Принявъ видъ того, или

*) Бѣлая рубашка, въ которой облачаются ксендзы и все клирики во время богослуженія.

другаго священника, лаборъ дѣйствуетъ еще успѣшнѣе. Здѣсь ужъ онъ прямо играетъ роль вдохновеннаго мужа сверхъ-естественнаго вѣщателя. Вотъ напр. какой случай былъ въ одномъ изъ селеній Брестскаго уѣзда *). Жилъ одинъ зажиточный крестьянинъ, по имени Кирилъ Гоголюкъ. Онъ былъ человѣкъ набожный, съ необыкновенно развитымъ чувствомъ. Однажды когда онъ, послѣ дневныхъ работъ, сидѣлъ вечеромъ дома и кололъ лучину, явились къ нему три мужа въ священническихъ облаченіяхъ, съ слѣдующимъ привѣтствіемъ: «миръ дому сему, добрый человѣкъ, Кирилъ Гоголюкъ: Мы пришли къ тебѣ съ горней Украны повѣдать тебѣ волю Божію.» Насилу могъ испуганный Кирилъ спросить: «кто же вы, небесные мужи?» — «Мы, отвѣчаетъ одинъ изъ нихъ, апостолы: я—Петръ, это Павелъ, а это Іоаннъ. Господь Богъ послалъ насъ къ тебѣ возвѣститъ, что, отъ сего времени, ты долженъ оставить свое хозяйство и мірскія заботы и служить Богу пророчествомъ. Иди въ міръ и учи людей покаянію. Если непокаются, то чрезъ полгода испытаютъ кару Божію на свиньяхъ, потомъ чрезъ годъ—на скотѣ, наконецъ, по маломъ времени, на самихъ себѣ: люди будутъ падать на улицахъ и не будетъ кому поднимать ихъ. Наши слова тебя изумляютъ; но, чтобы окончательно увѣриться, иди ты на кладбище, и тамъ, подъ новымъ крестомъ, найдешь грамоту, данную тебѣ на это отъ самаго Господа Бога.» Кирилъ пошелъ на кладбище и дѣйствительно нашелъ подъ крестомъ, въ песку, грамоту, въ которой написано было: «Во имя Отца и Сына и Св. Духа,—грамота сія дана отъ Бога Кирилу Гоголюку.» Мужичекъ поцѣловалъ грамоту

*) Село Прибороѣ—рассказъ изъ устъ бывшаго приборовскаго священника.

и съ благоговѣніемъ положилъ ее подъ подушку. Между тѣмъ, для необыкновенныхъ странниковъ приготовленъ былъ ужинъ, при чемъ самъ Кирилъ служилъ имъ. Послѣ ужина, Кирилъ отдалъ гостямъ всѣ свои деньги и, предоставивъ имъ право распорядиться по своему усмотрѣнію остальнымъ его стяжаніемъ, уложилъ ихъ спать. На завтрашній день, хотя Гоголюкъ и рано проснулся, но гостей уже не видѣлъ. Увлеченный высокимъ своимъ назначеніемъ, онъ и незамѣтилъ, что изъ дома его все лучшее новынесено. Одѣвшись въ праздничный нарядъ, онъ идетъ къ священнику и говоритъ: «батюшка! я пришелъ вамъ возвѣстить волю Божію; меня Богъ избралъ своимъ пророкомъ, и я долженъ оставить всю суету міра сего.» «Кто тебѣ сказалъ это? спрашиваетъ священникъ.—«Святые апостолы: Петръ, Павелъ и Іоаннъ.» — «Гдѣ же они?» — Пошли на небо, откуда и приходили въ мой грѣшный домъ.» — Священникъ увидѣлъ, что крестьянинъ съ ума снятъ. Собравъ наскоро справки, кто былъ въ селѣ наканунѣ этого дня, онъ узналъ, что это были яновскіе лабори. Дьячекъ и десятскій бросились по разнымъ направленіямъ искать шарлатановъ, но ихъ и слѣдъ простылъ. Тогда священникъ приступилъ къ Кирилу Гоголюку съ словами вразумленія, но ужъ поздно было. Никто и ничто не могли убѣдить бѣднаго Кирила, что онъ обманутъ: — «Если уже священники не вѣрятъ волѣ Божіей, говорилъ онъ, то значитъ конецъ свѣта пришелъ.» Несчастный мужичекъ окончательно потерялся, пересталъ работать, бродилъ по окрестнымъ селеніямъ съ проповѣдью, предавалъ анасемъ всѣхъ невнимавшихъ ему и наконецъ какъ-то несчастно умеръ.

Другой подобный случай кудесничества лаборей былъ въ Виленской губерніи. Одна старуха помѣщица была больна и, по мнѣнію докторовъ, находилась уже при смерти.

Жившій при ней сынъ ея отпавился въ уѣздный городъ, для посвидѣтельствванія завѣщанія своей матери. Между тѣмъ, прибыли въ это время въ домъ помѣщицы лабори. Выдавъ себя за ксендзовъ изъ Рима, они начали говорить будто по италіански, потомъ сбились на польскую рѣчь и предложили старухѣ принять отъ нихъ исповѣдь и причастіе, съ тѣмъ, чтобы она, для спасенія души, пожертвовала часть своего имѣнія на вновь строящуюся церковь въ Римѣ. Старуха согласилась и отдала имъ всѣ наличныя деньги, наследство своего сына (болѣе 1000 рублей). Къ счастію, въ пору поспѣшилъ изъ города сынъ помѣщицы, который, узнавъ о такой продѣлкѣ мошенниковъ, немедленно пустился въ погоню, догналъ ихъ, отнялъ деньги и передалъ лаборей суду.

Нѣтъ сомнѣнія, что лабори, во время своего странствованія, натворятъ множество подобныхъ исторій, о которыхъ никому неприходилось и не придется узнать. Ни одинъ лаборъ не выдастъ своего собрата. Товарищество понимается ими, какъ нѣкотораго рода священный союзъ, обязывающій ихъ поддерживать и защищать другъ друга до послѣдней возможности. Все то, что они говорятъ, или дѣлаютъ *въ дорогѣ*, остается у нихъ тайною на всю жизнь. Развѣ ужъ очень близкіе къ лаборямъ, сосѣди ихъ, со временемъ узнаютъ о какой либо продѣлкѣ лаборей, и то не вполне. Самый судъ надъ лаборомъ, кромѣ голыхъ уликъ въ бродяжничествѣ по чужому паспорту, въ утайкѣ денегъ, подлогѣ книгъ, ничего болѣе не сдѣлаетъ. Одна общественная молва о какомъ либо крупномъ мошенничествѣ, совершенномъ въ извѣстной мѣстности какими-то сборщиками подаяній на церковь, дастъ право предполагать, что тутъ дѣйствовали лабори.

Въ дорогѣ лабори имѣютъ свои особыя постоянныя дворы, куда, кромѣ ихъ, никто не заѣзжаетъ. Это дома изъ-

вѣстныхъ крестьянъ-хозяевъ, знакомыхъ съ лаборями съ незапамятныхъ временъ: еще ихъ отцы и дѣды были знакомы другъ съ другомъ. Здѣсь то лаборъ преспокойно располагается на ночлегъ и дневку; здѣсь же онъ оставляетъ на нѣкоторое время, во избѣжаніе всякаго контроля, и свой багажъ, припасенный имъ въ дорогъ, какъ то: холстъ, ленъ, пеньку, шерсть и т. п. впредь до благопріятнаго сбыта ихъ. Лабори имѣютъ и свой особый языкъ, на которомъ разговариваютъ предъ чужими людьми въ дорогъ. Вотъ нѣсколько словъ изъ ихъ языка: *Хлюса*—церковь, *Охвесъ*—Богъ, *Корхъ*—священникъ, *ставеръ*—крестъ, *хирианица*—человѣкъ, *ребсанька*—книга для записи пожертвованій, *либерская гавридья*—лаборскій разговоръ, *хруцъ*—рубль, *хлюсный ставеръ* означаетъ церковный крестъ. Нельзя не видѣть, что нѣкоторыя изъ этихъ словъ прямо взяты съ греческаго языка, напр. *ὁ Θεός*—Богъ, *σταυρός*—крестъ, *ἐκκλησία*—церковь. На вопросъ мой: откуда вы научились этому языку, одинъ изъ старыхъ лаборей отвѣчалъ, что они научились ему отъ *русскихъ*, т. е. вѣроятно отъ офеней. Если это вѣрно, то между греческими странниками, русскими офенями и яновскими лаборями дѣйствительно есть нѣчто общее.

Всѣ лабори искони православнаго исповѣданія. Какъ ни часты были сношенія ихъ съ римско-католическимъ духовенствомъ, но не было случая, что бы кто либо изъ нихъ измѣнилъ православію. Есть одинъ историческій фактъ изъ жизни яновцевъ, свидѣтельствующій о томъ, на сколько они преданы были древнему благочестію въ самыя тяжелыя времена своей исторической жизни. Въ началѣ 17-го столѣтія (1631 г.) посланъ былъ въ м. Яново изъ Пинской іезуитской коллегіи, для совращенія православныхъ въ латинство, іезуитъ Андрей Боболя. Двадцать шесть лѣтъ подвизался этотъ проповѣдникъ на своемъ миссіонерскомъ по-

прищѣ, но ничего немогъ успѣть въ Яновѣ. Жители его были недоступны новому ученію. Когда же Боболя, потерявшій всякую надежду на успѣхъ въ Яновѣ, началъ совращать жителей обрестныхъ селеній и, при помощи своихъ приверженцевъ, употреблять насильственные мѣры и козни, относительно яновцевъ, послѣдніе призвали на помощь казаковъ, схватили недостойнаго нарушителя свободы ихъ совѣсти и убили его (1657 г.). Еще до сихъ поръ народное преданіе указываетъ мѣсто казни іезуита, совершенной яновцами. Это—двѣ липы и три креста, находящіяся въ $\frac{1}{4}$ версты отъ мѣстечка Янова, по пути въ мѣстечко Любешово (Минск. губ.). Частыя путешествія по Россіи и знакомство съ русскою жизнію, частыя свиданія то съ подобными себѣ греческими сборщиками, то съ русскими офицерами, безъ сомнѣнія, много способствовали къ утвержденію ихъ въ древнемъ православіи. Религіозность яновцевъ и приверженность ихъ къ своей приходской церкви также достойны замѣчанія. Рѣдкій изъ нихъ позволить себѣ, во время путешествія, говѣть, исповѣдываться и причащаться гдѣ либо на сторонѣ. Напротивъ того, всякій считаетъ священною своею обязанностию, при первой возможности, возвратиться къ этому времени домой и исполнить свой христіанскій долгъ на родинѣ, въ своей приходской церкви. Въ заутрени и обѣдни, если яновцы дома, церковь всегда бываетъ переполнена народомъ. Даже въ будни, если есть богослуженіе, народа въ церкви бываетъ очень много. Церковнымъ празднествамъ яновцы стараются придать всевозможную торжественность. Во время пасхальной всенощной, они устрояютъ вокругъ церкви костры, плошки и, приготовивъ множество факеловъ, изъ смоляныхъ ганатовъ, сопутствуютъ съ ними крестному ходу. Сорокоусты и поминовеніе усопшихъ родственниковъ составляютъ у яновцевъ священныя времена. Въ поминальные дни род-

ственники и знакомые считают неслучайнымъ долгомъ своимъ помолиться за усопшаго на обѣдни и почитать память о немъ поминальною трапезою. Такая трапеза устроится въ томъ домѣ, гдѣ жилъ усопшій. Частыя богослуженія, совершаемыя въ яновской церкви, усердіе къ ней прихожанъ, твердость ихъ въ своихъ отеческихъ преданіяхъ и единодушіе издавна дали нравственный перевѣсъ православію надъ латинствомъ не только въ Яновѣ, но и во всѣхъ его окрестностяхъ. Есть примѣры, что нѣкоторые римскіе католики, отъ частаго обращенія съ яновцами, совершенно разстались съ своими фанатическими предубѣжденіями противъ православной церкви и относятся къ ней съ подобающимъ уваженіемъ. Недавно ксендзъ яновскаго костела удалилъ отъ службы своего органиста за то, что онъ любилъ посѣщать православную церковь. Въ Яновѣ и досихъ поръ живетъ одинъ старикъ, крестьянинъ, римско-католическаго исповѣданія, который положительно никогда не бываетъ въ костелѣ, а между тѣмъ съ усердіемъ посѣщаетъ церковь. Довольно непонятною кажется такая характерная религіозность яновцевъ и происходящая оттуда нравственная ихъ сила и значеніе среди сосѣдей, послѣ всего того, что мы сказали о ихъ лаборскомъ шарлатанствѣ. Но при этомъ не должно забывать, что изображенный нами промыселъ лаборей есть, такъ сказать, традиціонное ихъ занятіе, переходящее изъ рода въ родъ и освященное авторитетомъ ихъ предковъ. Этимъ-то авторитетомъ оно и оправдывается въ глазахъ лабора, нисколько не мешая ему въ тоже время быть усерднымъ исполнителемъ церковныхъ уставовъ. Если еще принять во вниманіе своеобразность религіознаго міровоззрѣнія необразованнаго простолюдина, вообще неправильность взгляда его на истинно-христіанскую дѣятельность, какъ на результатъ вѣры, словомъ на отсутствіе въ убѣжденіяхъ его

той руководящей всеобъемлющей идеи христіанства, которая усвоается только путемъ истинной науки, то отчасти понятнымъ становится, какъ можетъ подобный нравственный дуализмъ мириться въ душѣ человѣка и примираться собою другихъ. Одно только правильное образованіе и развитіе народа въ духѣ евангельской истины можетъ установить надлежащія отношенія между вѣрою и дѣятельностію человѣка. Лаборъ религіозенъ, но по особому, собственному ему взгляду на вещи, онъ пока недалекъ даже отъ того, чтобы, при случаѣ, воспользоваться для своего промысла и нѣкоторыми правами своей приходской церкви, гдѣ религіозныя обязанности къ ней граничатъ съ вещественными ея нуждами. Такъ напр. мыъ рассказывали, что, въ прошедшемъ году, въ церковномъ попечительствѣ яновской церкви, безъ вѣдома мѣстнаго священника, сдѣлано было членами совѣта постановленіе о необходимости испросить у консисторіи книгу для одного яновскаго крестьянина (самаго главнаго лабора) на сборъ пожертвованій въ пользу яновской церкви, такъ какъ-де на ней вѣтромъ снесло крестъ и повредило крышу. Между тѣмъ, такихъ нуждъ вовсе небыло въ церкви: крестъ и крыша ея были цѣлы и невредимы. Намѣреніе лаборей здѣсь, очевидно, состояло въ томъ, чтобы собрать кое-что для церкви и поживиться самимъ. Но это имъ не удалось. Консисторія, оставаясь вѣрною своему постановленію — не выдавать книги безъ надлежащаго посвидѣтельствованія мѣстнаго священника о нуждахъ церкви и — полиціи о добросовѣстности сборщика, потребовала отъ попечительства необходимыхъ свѣдѣній и, не получивъ ихъ, опредѣлила оставить прошеніе яновскихъ крестьянъ безъ послѣдствій.

Будучи искони православными, яновцы въ тоже время сознаютъ себя вполне русскими. Много испытано было средствъ и со стороны помѣщиковъ, и со стороны рим-

ско-католическаго духовенства, чтобы склонить симпатіи яновцевъ на сторону Польши. Но ни въ прежнія, ни въ позднѣйшія времена они не измѣнили своимъ кореннымъ убѣжденіямъ. Вѣрность Царю и отечеству составляетъ догматъ ихъ вѣры и гражданской жизни. Я слышалъ замѣчательный рассказъ о состояніи умовъ яновскихъ крестьянъ, во время послѣдняго польскаго мятежа. Въ мѣстечкѣ Яновѣ, какъ сказано, есть каменный столбъ, поставленный въ память іезуита Боболи. Къ этому столбу, во время возстанія, то и дѣло совершались съ разныхъ мѣстъ крестные ходы. Чаше всего процессіи двигались сюда изъ Пинска, на разстояніи почти сорока верстъ. Пришедши къ столбу, поборники ойчизны падали на колѣна, пѣли гимны и совершали разныя демонстраціонныя мистеріи. Множество мужчинъ и женщинъ, одѣтыхъ въ трауръ, босыхъ, разсѣввалось по мѣстечку и, въ патріотическомъ изступленіи, встрѣчному и поперечному, читали революціонныя воззванія. Тревога въ народѣ была необыкновенная. Яновцы, на это время, отказались отъ своего обычнаго странствованія и, оберегая свои семейства, всякій день поджидали русское войско, чтобы совмѣстно дать отпоръ мятежникамъ. Имущество ихъ попрятано было въ землю, лошади и скотъ были выпущены въ поле, вездѣ царствовала гробовая тишина. «Разъ, продолжаетъ мой рассказчикъ, въ самый разгаръ мятежа, проходя по улицѣ, я замѣтилъ толпу крестьянъ. На лицахъ ихъ видна была грусть; все они въ нѣмомъ молчаніи слушали своего старика крестьянина. Я приблизился къ толпѣ.

— Что это будетъ, батюшка? шепотомъ спросили они.

— Ничего, отвѣчалъ я, потерпимъ пока; не до конца прогибается Господь; законъ и правда должны восторжествовать, а крамольники—получить наказаніе.

— Что же намъ дѣлать? не дать ли намъ самимъ отпоръ? мы и жены наши на все готовы, умирать такъ умирать.

— Ваши чувства, отвѣчалъ я, весьма похвальны; но было бы крайне не благоразумно вступать въ бой съ этими изступленными, пьяными фанатиками. Къ тому жъ, подумайте, вѣдь ихъ много, а васъ мало; всѣ они съ головы до ногъ вооружены, а вы что подѣлаете безоружные.

Ну, такъ—какъ же намъ поступить?

А вотъ какъ,—до поры, до времени, возвратиться къ своимъ хозяйственнымъ обязанностямъ и не ходить толпою.

Чрезъ часъ я не видѣлъ уже ни одного брестянина въ мѣстечкѣ. Всѣ они разошлись по полямъ и лѣсамъ, оставивъ дома свои на произволъ судьбы.» Въ скоромъ времени бывшій отрядъ русскаго войска разбилъ мятежниковъ. Это была шайка Траугута. Мѣстомъ схватки были окрестности деревни Горки. Много тамъ мятежниковъ погибло, много взято было въ плѣнъ, но не мало было потери и въ нашемъ отрядѣ. Телѣги, одна за другою, нагруженные ранеными русскими солдатами, тащились отъ Горокъ къ Янову, перевозя больныхъ въ ближайшіе лазареты. Достойнымъ подвижникамъ за отечество, на всѣхъ мѣстахъ слѣдованія ихъ, оказываемы были всевозможные знаки сочувствія и помощи; но нигдѣ не было заявлено столько сочувствія и любви къ нимъ, какъ въ мѣстечкѣ Яновѣ. Очевидцы говорятъ, что встрѣча эта была самая трогательная. Яновцы вышли за двѣ версты отъ мѣстечка, чтобы увидѣть своихъ защитниковъ. Мужчины, вынувъ нѣкоторыхъ больныхъ изъ телѣгъ, несли ихъ на носилкахъ. Женщины своими намѣтками (головной уборъ), перевязывали имъ раны. Тѣ и другія, кажется, соперничали между собою въ услугахъ своимъ собратіямъ. Кто что имѣлъ,

все это несъ, для угощенія солдатъ. Въ самомъ мѣстечкѣ зарѣзанъ былъ волъ и нѣсколько телятъ на продовольствіе отряда. Дневка русскаго отряда въ Яновѣ 1-го іюня 1863 года на долго останется памятною, какъ для солдатъ и яновскихъ брестьянъ, такъ равно и для всѣхъ, бывшихъ свидѣтелями ихъ встрѣчи. Это былъ по истинѣ день патриотическаго русскаго торжества.

Семейная жизнь яновцевъ весьма много сходствуетъ съ жизнію русскихъ офеней и, вообще, промышленныхъ людей Владимірской, Ярославской, Калужской и др. губерній. Такъ какъ мужчины большую часть года проводятъ въ дорогѣ, то обязанность управлять домомъ и вести хозяйство падаетъ преимущественно на женщинъ. Только болѣе трудныя работы, каковы — воздѣлываніе поля, уборка сѣна, доставка дровъ, исполняются мужчинами. Впрочемъ, земли у яновцевъ, какъ мы сказали, мало, всего двѣ — три десятины на дворъ, слѣдовательно не много требуется труда и для обработки ея; съ нею перѣдко управляется женщина. Пока мужъ въ дорогѣ, жена его изъ добытыхъ ею хозяйственныхъ продуктовъ дѣлаетъ свои коммерческіе обороты, — приготовляетъ пищу для извозчиковъ, для продажи булки, кредели (баранки) и, такимъ образомъ, до поры до времени пропитываетъ себя съ семействомъ. Забота о воспитаніи и образованіи дѣтей также лежитъ на обязанности жены. На этотъ счетъ она получаетъ строжайшій наказъ отъ своего мужа, предъ отъѣздомъ его въ дорогу. Какъ отцы, такъ и матери, съ нѣкотораго времени весьма заботятся объ обученіи своихъ дѣтей грамотѣ и съ охотой отправляютъ ихъ въ школу. Въ Яновѣ есть штатное народное училище. Въ 18⁶⁷/₆₈ учебномъ году въ немъ обучалось 46 мальчиковъ и 7 дѣвочекъ. Изъ нихъ 25 свободно и толково читаютъ по русски и по славянски, правильно пишутъ подъ диктовку, хорошо знаютъ четыре пра-

вила арифметики и употребленіе счетовъ. Учащіяся дѣти чистоплотны, прилично одѣты и рѣзвы. Всѣ они, по обычаю отцовъ своихъ, любятъ бывать въ церкви, читать и пѣть на клиросѣ. Хоръ, образованный изъ 22 мальчиковъ яновскаго училища, можно причислить къ лучшимъ сельскимъ хорамъ Кобринскаго уѣзда. Хотя нѣкоторыя изъ учащихся дѣтей знакомы съ *либерскою гавриднею*, или съ лаборскимъ языкомъ; но всѣ они, по своему направленію, безукоризненно благонравны, искренны и честны. Глядя на этихъ дѣтей, невольно предлагаешь себѣ вопросъ, — неужели и это будущіе лабори? Но иѣтъ, надѣясь на вліяніе школы, можно думать, что принятый отцами ихъ способъ добыванія себѣ средствъ къ жизни, если современнымъ не перемѣнится, то значительно облагородится. Въ чести и самихъ родителей, слѣдуетъ замѣтить, что они, съ нѣкотораго времени не берутъ своихъ дѣтей *въ дорогу*, не распространяются предъ ними о своемъ промыслѣ и, такимъ образомъ, много гарантируютъ ихъ нравственность. Лабори возвращаются домой ежегодно въ два срока — къ пасхѣ и къ концу мѣсяца іюня. Къ пасхѣ они возвращаются для того, чтобы исполнить свои христіанскія обязанности въ своей приходской церкви — говѣть, исповѣдаться и причаститься, а также чтобы раздѣлить съ своими семействами праздничную трапезу этого великаго дня. Въ іюнѣ же возвращаются потому, что, въ это рабочее время, прекращается для нихъ всякая возможность производить сборъ: всѣ домохозяева находятся на поляхъ и не съ кѣмъ имѣть дѣло. При томъ, и самимъ нужно подумать о своемъ хозяйствѣ и объ обезпеченіи своего семейства на зиму. Домой возвращаются они также ночью, какъ и выѣзжаютъ, стараясь, по возможности, быть незамѣченными мѣстной полиціей. Въ послѣднее время, за ними стала зорко слѣдить полиція, — останавливать на пути, ревизовать паспор-

ты и осматривать повозки. Во избѣжаніе такихъ затрудненій, возвращающіеся лабори употребляютъ хитрость. Оставивъ свои пожитки верстъ за 10, или 15, у знакомыхъ крестьянъ, лабори нанимаютъ ихъ, за извѣстную плату, доставить ихъ багажъ къ такому—то сроку въ Яново, въ указанное мѣсто. А сами, между тѣмъ, пробираются къ домамъ съ пустыми телѣгами, стараясь, при этомъ, ѣхать порознь и съ противоположныхъ концовъ мѣстечка. На вопросъ полицейскаго лица—гдѣ былъ, лаборъ, ѣдущій на-легкѣ, смѣло отвѣчаетъ, что подрядился-де доставить бочку сала изъ Пинска въ Брѣсть (или другую какую либо кладь) и возвращается назадъ,—или, что былъ въ такой-то деревнѣ, у такого-то крестьянина, по дѣламъ хозяйственнымъ, словомъ; солжетъ. Само собою разумѣется, что, для знающихъ дѣло, ложь видна; но и уличить лабора не-легко. Возвращеніе лабора есть своего рода праздникъ для его семейства. Собираются родные и знакомые, устраивается пирушка, гдѣ, при заздравной чаркѣ, посылаются всевозможныя благожеланія гостю. Такъ какъ лабори возвращаются почти всѣ въ одно время, то, съ прибытіемъ ихъ, начинается въ Яновѣ цѣлый рядъ домашнихъ торжествъ. Къ этому же времени преимущественно приурочиваются разные семейныя ихъ обязанности: одному нужно помянуть родителей, другому—сына женить, третьему—дочь выдать замужъ и, такимъ образомъ, пирушка слѣдуетъ за пирушкой. Въ продолженіи всего лѣтняго времени Яново представляетъ собою рѣзкую противоположность съ другими окрестными селеніями. Въ то время, когда вездѣ происходятъ изнурительныя полевые работы, въ Яновѣ царствуетъ разгулъ и веселіе. Нерѣдко бываетъ, что въ одинъ и тотъ же день, на нѣсколькихъ улицахъ, учреждаются свои особые пиршества. Такъ проходятъ мѣсяцы—іюнь, іюль и начало августа. Неотъемлемую принадлежность болѣе мно-

голюдныхъ пиршествъ лаборей составляетъ музыка. Во всемъ сѣверо-западномъ краѣ музыкальные оркестры, большею частію, состояются изъ евреевъ. По уѣзднымъ городамъ и мѣстечкамъ другой музыки и не бываетъ. Собравшись артелью, человѣкъ пять, шесть, они бочуютъ отъ мѣста до мѣста и, при недостаткѣ лучшихъ музыкантовъ, удовлетворяютъ незатѣйливымъ требованіямъ общества. Лабори никогда не дозволятъ въ своемъ обществѣ играть еврейской музыкѣ; допустить еврея въ кружокъ лаборей значило бы парализировать всю ихъ веселость. Яновцы нелюбить евреевъ и, по возможности, избѣгаютъ всякихъ сношеній съ ними. По этому у нихъ, на всякій случай, есть свой собственный оркестръ, состоящій изъ нѣсколькихъ своихъ парней, которыми дирижируетъ нынѣ старый музыкантъ, весьма уважаемая ими личность, по имени Адамъ Фракъ. Куда явится Фракъ, тамъ усиливается и разгулъ. Впрочемъ, Фракъ приглашается большею частію на семейныя торжества, баковы—свадьбы и на общественныя увеселенія, каковы—игрища, такъ какъ въ обоихъ случаяхъ преимущественно собирается молодежь и устраиваются танцы. Свадьбы яновскихъ крестьянъ совершаются по общепринятому обычаю польшуконъ и при-бужскихъ русскихъ, описанному въ статистическихъ свѣдѣніяхъ по Гродненской губерніи Бобровскаго. Въ самый день свадьбы, предъ вѣнцомъ, женихъ и невеста, украшенные лентами *), ходятъ по домамъ, кланяются всѣмъ въ поясъ, цѣлуютъ руки у старшихъ и приглашаютъ на свадьбу. Тоже дѣлаютъ они и на улицѣ, при встрѣчѣ съ знакомыми. Иногда бываетъ, что ни тотъ, ни другая ничего не говорятъ и безмолвно подходятъ съ поклонами къ рукѣ; тѣмъ не менѣе всякій знаетъ, что

*) Жениху ленты прикалываются къ шапкѣ.

тѣмъ самимъ его приглашаютъ на свадьбу. Собираясь въ домъ родителей невѣсты, или жениха, сосѣди не идутъ съ пустыми руками, но несутъ съ собой какое либо угощеніе, мужчины — водку, а женщины закуску. Свадебныя празднества продолжаются дня три, или четыре, такъ какъ, за тѣсною помѣщеніемъ, не всѣ вдругъ собираются, но всякій день прибываютъ новые гости. На канунъ воскресенія, въ субботу, бываетъ, такъ называемый, *перезовъ*, т. е. переѣздъ невѣсты въ домъ жениха, а въ воскресенье — *гостина*, т. е. собраніе гостей у молодой четы. Другой родъ общественныхъ увеселеній составляютъ *игрища*, куда собираются всѣ, преимущественно же молодые люди обоего пола. Игрища у яновцевъ имѣютъ значеніе клуба. Они бываютъ преимущественно въ большіе праздники, т. е. на третій, четвертый день Рождества Христова, пасхи и въ другіе праздники, а также на масляной недѣлѣ и на купалу. Такъ какъ ни одинъ частный домъ не можетъ вмѣстить въ себѣ такое множество гостей, какое собирается на игрища, то яновцы съобща нанимаютъ на этотъ разъ какой либо большой еврейскій домъ, или корчму, куда уже не имѣетъ права войти никто изъ постороннихъ людей, а въ особенности еврей. Собравшаяся молодежь проводитъ время въ пляскѣ и играхъ, а старики въ бесѣдѣ другъ съ другомъ. Въ пляскѣ нѣтъ большого разнообразія. Я замѣтилъ только двѣ формы ея. Первая — это нѣчто среднее между полькою и вальсомъ, состоящее въ быстромъ круговомъ вращеніи множества паръ, держащихся за руки, и другая — козачокъ. Въ антрактахъ, между танцами, предлагается всѣмъ присутствующимъ чай съ бренделями, яблоки, орѣхи и другія домашнія лакомства. Въ отношеніяхъ мужчинъ и женщинъ, на всѣхъ общественныхъ гульбищахъ, соблюдается возможная вѣжливость и благородство. За этимъ зорко слѣдятъ старики. Разска-

зываютъ недавній случай, что одинъ парень въ танцахъ нескромно коснулся груди дѣвушки. Общество стариковъ, замѣтивъ это, присудило несчастнаго Донъ-Жуана на слѣдующій день къ тридцати ударамъ розгами; — что и было исполнено въ точности.

Коснувшись семейной жизни яновцевъ, нельзя не сказать нѣсколькихъ словъ о другомъ, соприкосновенномъ съ нею предметѣ, объ ихъ жилищахъ. Всѣ дома яновцевъ построены по одному образцу. Это небольшія избы, въ 7 аршинъ длины и 6 ширины, съ двумя пропорціональными окнами съ улицы и двумя со двора. Зданіе, продольною своею частію, къ которой непосредственно прилегаютъ сѣни и клѣть, заключено во дворъ. Во всѣхъ трѣхъ отдѣленіяхъ имѣются досчатые полы и въ главномъ жилищѣ устроена печь съ трубою, вопреки общему бѣлорусскому обычаю строить избы курными. Главная комната, во все зимнее время, служитъ единственнымъ пріютомъ семейства, но въ лѣтнее время она имѣетъ значеніе только гостиной; для столовой же и для ночлега, въ это время, предназначаются сѣни и клѣть. При входѣ въ сѣни яновскаго брестянина, посѣтитель невольно останавливаетъ вниманіе на стѣнахъ. Взорамъ его представляется множество образовъ, развѣшанныхъ повсюду, гдѣ только есть мѣсто. Внутренняя комната представляетъ тоже убранство. Передній ея уголъ и три стѣны, въ два ряда, густо увѣшаны иконами и священными картинами. Всѣ эти иконы разнокалиберныя, принадлежащія кисти мастеровъ разныхъ эпохъ и школъ, разныхъ націй и исповѣданій. Здѣсь напр. вы видите образъ святителя Николая, а тамъ Антонія падуанскаго; вмѣстѣ съ образомъ Знаменія Божіей Матери виситъ изображеніе Св. Розаліи съ пламенѣющимъ сердцемъ; вмѣстѣ съ преподобнымъ Сергіемъ Радонежскимъ помещенъ Св. Казиміръ. Бумажныхъ картинъ нѣмецкой

живописи также множество. Между этою коллекціею образовъ я замѣтилъ нѣкоторыя старинныя иконы правильной византійской живописи, каковы напр. Деисусъ, образъ Печерской Божіей Матери, благословляющей преподобныхъ Антонія и Θεодосія, образъ Рождества Пресвятой Богородицы и святителя Николая. Но вмѣстѣ съ тѣмъ попадались и такіе образа, предметъ которыхъ трудно было и опредѣлить, по странности и неестественности сочетанія ликовъ. Такъ напр. въ домѣ одного крестьянина есть образъ слѣдующаго содержанія: на распростертѣмъ платѣ лежитъ младенецъ Іисусъ, по сторонамъ его стоятъ—святитель Николай и Великомученица Варвара, а вдали перспективы виднѣется городъ Іерусалимъ. Образъ писанъ масляными красками. Ясно, что это плодъ фантазіи какаго либо самоучки суздальца. На внутреннюю комнату обращено все вниманіе хозяина и хозяйки, чтобы содержать ее въ надлежащемъ порядкѣ и опрятности. Въ переднемъ ея углу поставлены лучшіе образа и, по временамъ, теплится лампадка. Столъ всегда накрытъ бѣлою, чистою скатертью. Если въ комнатѣ стоитъ кровать, или находятся нары, то на нихъ всегда бываетъ чисто и благовидно. На дворѣ яновца замѣчается тотъ же порядокъ и чистота. Усадьба его очень мала и заключаетъ въ себѣ только $\frac{1}{4}$ десятины земли; но, при всемъ томъ, умный хозяинъ сумѣлъ устроить здѣсь помѣщеніе для себя, сарай для лошадей и скота, гумно, садикъ, состоящій изъ пяти-шести деревьевъ и оставить еще кое-что подъ огородъ. Все это устроено миниатюрно, но очень удобно и симметрично. На дворѣ его, вы не увидите ни стоящей безъ нужды повозки, ни другой хозяйственной рухляди, напрасно заваливающей дворъ, какъ это часто бываетъ у прочихъ мужичковъ бѣлорусовъ и полѣшукъ. У него все убрано и все находится на своемъ мѣстѣ. На гумнѣ видна та же распорядительная

рука, тотъ же хозяйственный толкъ. Однимъ словомъ, яновецъ держать весь свой домъ такъ, какъ бы приготовлялся во всякое время встрѣтить начальника, или, по крайней мѣрѣ, дорогаго гостя. Дѣйствительно, если вамъ угодно будетъ посмотрѣть хозяйство яновца, онъ всегда готовъ въ вашимъ услугамъ и покажетъ вамъ свое добро съ предупредительностію и свойственною ему вѣжливостію. При этомъ, если ему не вполне извѣстно, кто вы, онъ будетъ то и дѣло устремлять на васъ свои пытливые взоры и скоро чутьемъ пойметъ, съ кѣмъ имѣетъ дѣло. Вообще, повторяемъ, лаборъ необыкновенно смѣтливъ и сообразителенъ. Эта рѣдкая его способность дѣлаетъ изъ него не только умнаго хозяина, но и расторопнаго, находчиваго слугу, если онъ нанятъ въ услуженіе, и точнаго исполнителя дѣлаемыхъ ему порученій отъ начальства. Вотъ напр. эпизодъ изъ моихъ путешествій. Въ окрестностяхъ Янова мѣстность вездѣ открытая; поэтому зимою, въ большія мятели, часто нельзя проѣхать и трехъ верстъ, несбившись съ дороги. Въ минувшую зиму, я, по дѣламъ службы, часто вращался въ окрестностяхъ Янова. Нерѣдко застигала меня сильная вьюга и требовался проводникъ. Сколько ни давали мнѣ мужичковъ изъ сосѣднихъ деревень, ни одинъ изъ нихъ не зналъ дороги, какъ слѣдуетъ. На самомъ незначительномъ пространствѣ, на разстояніи какихъ либо пяти верстъ, приходилось биться часа три-четыре въ поискахъ дороги, до крайности измучиться и все таки не туда пріѣхать, куда слѣдовало. Но вотъ однажды мнѣ попадаетъ проводникъ лаборъ. Вечеръ былъ темный, вьюга страшная, а мы въ открытомъ полѣ. «Что, братъ, спрашиваю я, не собьемся съ дороги?»

— Не за тѣмъ, баринъ, ѣдемъ, чтобы сбиваться.

— Да ты смотри, не зѣвай, вѣдь зги не видно, дороги какъ не бывало, того и гляди, что заночуемъ въ полѣ.

— Не безпокойтесь, ваше б-діе, дорога отъ насъ не уйдетъ и пролагать новой не станемъ, дорожке себѣ стоять.

Дѣйствительно, мой проводникъ, какъ бы инстинктомъ, угадывалъ дорогу и, несмотря на страшную темноту и на постоянно усиливавшуюся митель, вездѣ везъ меня по твердой дорогѣ. Разъ только онъ какъ-то сбился съ пути, но тотчасъ же замѣтилъ это: остановился, сообразилъ и, сдѣлавъ полукругъ, поѣхалъ снова какъ слѣдуетъ. Такимъ образомъ, я проѣхалъ съ нимъ въ страшное ненастье десять верстъ безъ всякихъ приключеній и прибылъ на мѣсто ранѣе, чѣмъ предполагалъ. Смотря на лабора въ то время, когда онъ, сидя на передкѣ саней, везъ меня по необозримой равнинѣ, сквозь темноту и вьюгу, я невольно припоминалъ себѣ романъ знаменитаго Купера, читанный мною въ дѣтствѣ, *Патфандеръ*, или путеводитель въ пустынь, и мысленно воображалъ своего лабора въ роли *Патфандера*. Дѣйствительно, въ его самоувѣренности, сообразительности и отчетливомъ знаніи мѣстности было нѣчто, напоминавшее этого героя. Мѣстные жители, хорошо знающіе яновцевъ, говорятъ вообще, что это отличные проводники въ дорогѣ, что имѣть кучера изъ яновцевъ значитъ успокоить себя на счетъ многихъ неудобствъ путешествія: лошадьми онъ управляетъ отлично; случится ли порча въ повозкѣ, онъ долго не задумывается и вмигъ исправляетъ ее; нужно ли приготовить кушанье, онъ и здѣсь мастеръ. Говоря о расторопности и услужливости яновцевъ, должно однакожь замѣтить, что такими они являются только по отношенію къ тѣмъ людямъ, кому они вѣрятъ и кого уважаютъ. Но сохрани Богъ, попадется въ ихъ руки недоброжелатель ихъ, или человѣкъ заподозрѣнный въ какихъ либо проискахъ

противъ нихъ, проведутъ его и надуютъ непременно. Последняя черта ихъ характера подала поводъ къ составленію о нихъ очень невыгоднаго мѣнія между нѣкоторыми сосѣдями ихъ, пришельцами, которые утверждаютъ, что съ лаборями нельзя ни выить, ни закусить, ни быть вмѣстѣ въ дорогѣ, безъ кляузы или какого либо несчастія. Впрочемъ, эта молва нелѣпа и основывается на мѣніи нѣкоторыхъ только лицъ, поставленныхъ съ яновцами, по своимъ обязанностямъ, въ непріятныя столкновенія.

И такъ, предъ нами типъ лабора, этого древняго памятника, оригинальнаго по своему промыслу и весьма замѣчательнаго по своей религіозной, гражданской и семейной жизни. Много въ немъ есть дурныхъ сторонъ, но много и хорошихъ. Это идеалъ широкой русской натуры, въ которой иногда совмѣщаются самыя рѣзкія противоположности. Онъ иногда падаетъ и падаетъ глубоко, бѣдность и другія тяжелыя житейскія обстоятельства иногда весьма болѣзненно отражаются на его нравственности; но онъ никогда не измѣняетъ своимъ завѣтнымъ убѣжденіямъ, коренящимся въ глубинѣ его души. Ему всегда присуща нравственная сила благовременно подняться съ того низкаго уровня нравственнаго состоянія, на который онъ случайно становится и, стряхнувъ съ себя, такъ сказать, пыль житейской суеты, снова явиться человѣкомъ чести и правды. Лаборъ, на промыслѣ своемъ, не болѣе, какъ пройдоха, шарлатанъ; но, возвратившись домой, онъ дѣлается примѣрнымъ семьяниномъ, честнымъ гражданиномъ и усерднымъ сыномъ церкви. Правда, это страшная несообразность. Но такихъ несообразностей много во всѣхъ обществахъ, куда не проникъ свѣтъ истинной науки и гдѣ, сверхъ того, историческая жизнь народа была тормозима и извращаема чуждыми, враждебными вліяніями.

ми. А такова именно и была вся предшествовавшая историческая жизнь яновцевъ. Всякое отдѣльное общество, какъ и отдѣльная личность, предоставленное, на пути развитія, самому себѣ и случайному сѣщенію историческихъ обстоятельствъ, всегда выносить изъ своего прошлаго болѣзненные наросты, которые изглаживаются только временемъ и истиннымъ образованіемъ.
